

АННИ ЮДЗУЛЬ

ЦУКУМОГАМИ

ТРИ ПИСЬМА В ХОКУТО

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю16

Художественное оформление Александра Андреева

Иллюстрация на обложке *WHITELORD*

Иллюстрации в блоке *WHITELORD, BELЬКА*

Юдзуль, Анни.

Ю16 Цукумогами. Три письма в Хокуто / Анни Юдзуль. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225430-7

Цукумогами вернулись.

Город N едва оправился от трагедии, когда на его улицах снова начинают происходить необъяснимые вещи.

Три таинственных письма ведут в Хокуто — на несуществующий адрес, куда уходят люди и откуда никто не возвращается. Там, на границе реальности, время сбивается с привычного ритма, переплетая прошлое и настоящее.

Надвигается нечто непоправимое — и только Кёичиро Уэда знает, как это остановить.

УДК 821.161.1-31

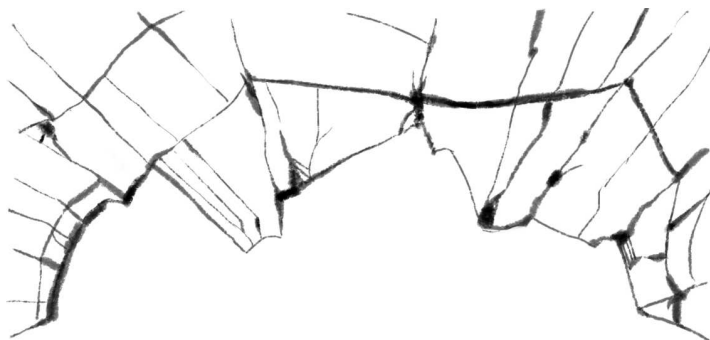
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Анни Юдзуль, текст, 2026

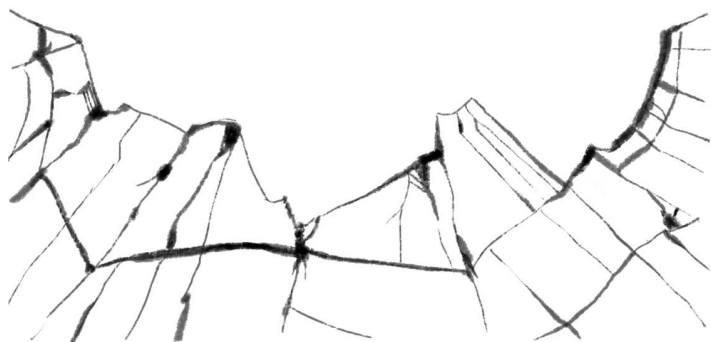
© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225430-7

ПИСЬМО ПЕРВОЕ:
ЦЕНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ГЛАВА 1

ГЛАЗА, ПОЛНЫЕ СЛЕЗ

Трое пухлых синиц сновали с ветки на ветку. Еще одна, помельче, отставала от них на полсекунды, и, когда троица взмывала в воздух, капли с листьев лились на крошечную головку четвертой пташки. Она то и дело отряхивалась и оттого отставала еще больше.

Она, должно быть, тоже отстала. Отбилась от стаи. Ее ноги были босыми, и между пальцами забились дорожная грязь. Неровные ногти — она стесала их о бетонные стенки пересушенного канала — ныли и цеплялись за одежду. Черное полотно, в которое она завернулась, тащилось за ней по земле.

Люди шарахались — не то от запутанных темных волос, не то от опухших покрасневших век. Автомобили проносились мимо с пугающим гулом, будто рой демонических пчел свил гнездо прямо над ее головой. Пожалуй, так выглядел бы ее дамоклов меч, если бы... если бы он был. Она обернулась. Свет фар выделил ее фигуру: креп-

ко сбитое тело прирожденной выживальщицы, и еще — ее белые зубы. Она улыбалась.

Стена дождя оборвалась во вторник, но маленькие капельки заставляли ее тут и там до самой субботы. Среди ясного неба — раз, — и упала капля. Она думала, что, должно быть, небо плакало, но не знала почему. Сама-то она не плакала. А ей приходилось увидеть много всего грустного — или пугающего. Часто — пол, порой грязь, а иногда и сухой горячий асфальт. Еще — канализацию, два или три раза, когда чужое дыхание смешивалось с парами алкоголя. И никогда она не плакала.

Вот и сейчас.

Солнце собиралось с силами за низкими облаками — готовилось испепелять. Ветер бросал в воздух то, что люди называют мусором: крошечные частички самых разных предметов и сухих листьев в обертке из горячей летней пыли. Следы колес интересовали ее больше всего.

Ее имя было — Хёураки.

Она быстро пробежала по мостку и нырнула в лабиринт деревьев. Здесь ей было лучше, чем среди стен. И еще можно было следить за теми, кто сновал мимо.

Этим она и занялась.

Невысокий юноша в мягком свитере, запыхавшись, вскочил на подножку рейсового автобуса. Хёураки склонила голову. Она не понимала, зачем бежать за автобусом. Не понимала, к чему спешка.

Зато он понимал.

Следом за заполонившей улицы водой пришла мрачная тишина. Облака, нависавшие над городом, цеплялись за острые углы крыш и водосточных труб, капли дождя сменились отдаленным гулом в низких желобах. Пятна на асфальте просохли; на их месте появились трещины, из которых показали носы новые побеги сорняков. Шепот деревьев звучал теперь тише, и листья укрыла придорожная пыль.

Запах гари стал отчетливее. Хотя прошло время после того, как верхние этажи Ичису охватил огонь, город ничего не забыл. Черный провал, оставшийся на месте окон, глядел на любого прохожего и погожим утром, и темной ночью. Он не отставал ни на секунду, будто от одного взгляда на него воспоминание становилось реальностью. От этого Камо бросало в дрожь. Он знал больше прочих, больше, чем случайные прохожие хотели бы знать, и все же этот вид наводил на него смутную тревогу. Оплавившийся крест демонтировали, но следы сажи отпечатались на стене прямо позади него. Они заглядывали в глаза, спрашивая верующих о греховности, а неверующих — о границах их защищенности. Камо, в отличие от взрослых, не питал надежд на «безопасность» и «контроль». В его совсем еще юном мире это было не более чем иллюзией. Он плотнее закутался в свитер.

Хотя дождь и закончился, холод еще не отступил. Держал позиции до крайнего рубежа. Это были последние деньки, которые Камо приходилось переживать в детстве, прежде чем мама наконец переставала волноваться и стала отпускать его играть на улицу в одной футболке. Теперь никто больше не хмурил брови и не качал головой — и он, пожалуй, впервые понял, почему взрослые так любят все контролировать. Его взгляд мельком коснулся огарка креста. Он не мог бы сказать, был ли он верующим. Теперь он слабо понимал, во что ему верить.

Он свернул на запад и юркнул в тени лабиринта мелких улочек. Запах сырости теперь сменился ароматом выпечки и розовых пионов. Следом за ним ветер принес вонь бетонных коробок в двух кварталах к югу. Именно туда он и направлялся.

Покосившийся старый дорожный храм располагался в переулке между двумя сияющими неонм постройками, всякая из них стремилась уговорить случайного путника оставить деньги или хотя бы зацепиться взглядом за зазывающие витрины. Телевизоры за стеклом мигали и шли рябью.

Камо не обратил на них никакого внимания. Он пробежал под низкими ветками ивы и завернул на бетонную дорожку.

В баре было тихо. Едва он оглянулся, прикрыв за собой дверь, как Джа приложил палец к губам. Камо знал этот жест наизусть: в последний ме-

сяц это стало для них чем-то вроде приветствия. Он кивнул, снял свитер и осторожно пробрался к барной стойке. Сэншу спал в откидном кресле, скрестив ноги; его волосы почти полностью опали еще в тот самый день, и вместо них Камо видел короткую жесткую мочалку. Одежда — мятая, чумазая у воротника — висела на его похудевшем теле. Ему снился дурной сон — Камо догадывался по беспокойному дыханию и подрагивающим векам.

Он закрывал собой часть дивана, но Камо не нужно было видеть, чтобы знать, кто неподвижно лежит на нем.

— Месяц прошел, — шепнул Камо. Он порылся в сумке через плечо и выложил на стойку несколько новых выпусков газеты.

— Я знаю. — Джа пожал плечами.

Они помолчали.

— Совсем никаких новостей?

Сэншу заерзал в кресле. Камо бросил на него быстрый взгляд. И этот момент был ему знаком — ничего нового, ровным счетом ничего. На первой полосе «Невидимых бед» больше не было черных росчерков. Огненного креста тоже не было: потерянные собаки, импортная газировка, вор нижнего белья. Целый месяц мир не делал ничего, и не было на свете того, что изводило бы Камо больше, чем этот факт.

Даже группа Букими не казалась носу.

Джа не ответил. Он уже давно не отвечал. Камо глубоко вздохнул и слез с барного стула, так и не притронувшись к расписной чашке. Никто не говорил и об этом тоже — вещи Рофутонина все еще валялись тут и там, будто нарочно попадаясь на глаза всякий раз, когда... Камо шмыгнул носом. Потом фыркнул. Кёичиро... Эйхо тоже больше не было.

Не было того, кто обещал быть его другом. Взрослые так часто бросали слова на ветер.

Он перекинул лямку сумки через голову. Сотня сказала ему — не прямо, очень осторожно, но сказала — «смирись и живи дальше». Сделай то же, что остальные. Найди что-то, что наполнит твою жизнь вместо ушедшего. Сезон дождей прошел, и новая реальность принесла с собой первые ноты иссушающей жары, но внутри Камо продолжал неистовствовать туман.

Едва заметное движение привлекло его внимание. Он остановился и зашарил взглядом по стене — теперь пустой, местами выгоревшей — и столикам, по дивану и креслу, на котором спал Сэншу. Нет. Это был не он.

Это был Якко.

Камо фыркнул, припоминая, как помогал тащить его бездыханное тело. Он был... мертвым, но и не мертвым в то же время. Будто замершим во времени. Окровавленные пятна украшали рубашку, но под дырками в ткани не было ран. Прическа застыла и не реагировала на ветер или силу

притяжения. Он был... твердым, как труп, но в то же время каким-то... теплым.

Это точно был Якко.

Движение, которое Камо заметил. Средний палец дрогнул. Следом за ним в движение пришли указательный и безымянный. Мизинец безвольно повторил за ними. Камо напряженно отступил на шаг назад.

— Джа...

Джа приложил палец к губам, но Камо не смотрел на него. Веки Якко дрогнули. Разомкнулись губы.

— Джа, он... С ним что-то происходит.

Его слова прервал гул шагов.

Сэншу должен был проснуться. Но его не разбудили ни протяжный, сквозь зубы, стон, ни неловкое барахтанье. Даже испуганный вздох Камо. Якко с трудом перевернулся на бок. Слабые руки дрожали, ноги не слушались, а взгляд... Камо показалось, будто вся огненная мощь Якко собралась в его глазах. Они горели, хаотично блестя в тихом свете когда-то стильных ламп.

Якко дернулся и захлебнулся кашлем. Джа присел перед ним и потряс Сэншу за колено. Не сразу, но тот разомкнул веки.

Картинка казалась смазанной — Якко с трудом узнал это место. Глаза, пересохшие, зудели; каленым маревом боль пульсировала в груди, подни-

маясь по горлу. Болели ребра: точки между ними, ровные, как нотные отступы, отзывались жжением и запахом паленого мяса. Он будто был заперт внутри горящего человека, которым сам и являлся.

Крепко сбитые ладони Джа протянули стакан воды, но это сделало только хуже. С кожи сорвался пар: он кружил голову ароматом ягод и тлеющей травы. Боль стихла, но стала хронической, тупой. Якко сел на диване и склонился между колен, тяжело дыша.

— Позови ее, — бросил Джа, и Камо сорвался с места, точно сурок, на ходу натягивая свитер.

Ну нет, так не пойдет. Якко затравленно огляделся. Сэншу сохранял молчание: его пересохшие губы будто не решались выпустить ни слова. Он был бледным, очень бледным. Под глазами залегли тени, а в уголках глаз собрались морщины. Он будто... стал старше на добрый десяток лет за тот день, что Якко был в отключке.

Постойте. Один день?

— Как... давно?.. — выдавил Якко, тяжело дыша. Комната кружилась, будто Якко зацепился макушкой за лопасти люстры-вертолета. Он растегнул пару пуговиц на рубашке. Руки тряслись; это заняло время.

Бесконечное время, в которое Джа не издал ни звука.

— Как давно?! — Якко рывкнул. Горло обожгло плохо сдерживаемой рвотой. Из желудка в голову

поднялась желчная мысль: сжечь бы все к чертям. О, это всегда успокаивало его.

— Месяц, — фыркнул Джа. Он стоял подле кресла, в котором тяжело, словно в толще воды, ворочался Сэншу.

— Вы продержали меня здесь... месяц? — Якко озадаченно потряс головой. Мгновенная вспышка ярости, как молния, промчалась мимо за секунду, и на смену ей пришла тяжелая толща непонимания. Если он здесь месяц, то где?..

Букими. Он осмотрелся. Букими не было. Не было и двух клоунов с неудержимой любовью к тряпкам и топорам, а еще — не было, черт бы его побрал, Эйхо, из-за которого это все и случилось. Он во всем виноват. Он и Сэншу, этот вонючий железный дровосек с одной извилиной. Якко взглянул на него украдкой. Ну ладно, может быть, Сэншу виноват чуть меньше. Самую малость. Может быть, только Эйхо был тем говнюком, который все это затеял. А ведь Якко еще думал разделить с ним веселье. Неужели он так плохо разбирается в людях?

Он хотел спросить. Его рот уже почти выронил этот вопрос, но Джа, будто учуяв собирающиеся в предложение слова, ответил раньше:

— Твой приятель бросил тебя. Забрал наших друзей, и...

Сэншу глубоко вдохнул и закашлялся, бессильно откинувшись на спинку. Джа присел возле него; руки вложили платок в его ладони.